

КОЛЛЕКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ КАК ПРЕДМЕТ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

Илья Теодорович Касавин – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН.
E-mail: itkasavin@gmail.com

Предлагается понятие коллективного субъекта познания (КСП), преодолевающее дуализм индивидуализма и коллективизма. В истории философии отчетливую концептуализацию КСП предложил И. Кант в понятии трансцендентального субъекта и схематизма воображения, переосмысленном Г.В.Ф. Гегелем («дух эпохи») и К. Марксом (понятия всеобщего и совместного труда). Эти наброски дефиниции КСП служат основой критического анализа тех подходов, которые развивают представители аналитической социальной эпистемологии (Э. Голдман, Дж. Лэки). Анализ конструируемых ими мысленных экспериментов показывает, что, оставаясь в целом на позициях эпистемологического индивидуализма, они интерпретируют КСП путем редукции к познающему индивиду. При этом им не удается адекватно истолковать феномены распределенного знания, столь распространенные в современной науке и социальной практике (Ф. Хайек, Х. Коллинз). В качестве альтернативы редукционизму в статье предлагается типологический подход к КСП, позволяющий понять его структуру как состоящую из четырех основных ипостасей, или уровней (трансцендентального, укорененного, договорного и распределенного субъекта), каждый из которых иллюстрируется парадигмальным примером.

Ключевые слова: коллективный субъект познания, сообщества, аналитическая социальная эпистемология, коллективизм vs индивидуализм, редукция, трансцендентальный субъект, встроенный субъект, общественный договор, распределенное знание.

COLLECTIVE AGENT AS A MATTER OF EPISTEMOLOGICAL ANALYSIS

Ilya Kasavin – doctor of philosophical sciences, professor, correspond-member of the Russian Academy of Sciences, the head of the Department of social epistemology, Institute of Philosophy, RAS.

In the article, there proposed an original idea of the collective agent of cognition (CAC) that overcomes the controversy of individualism and collectivism. In the history of philosophy a clear conceptualization of has been offered by I. Kant (the notion of transcendental agent and scheme of imagination). This was interpreted by, among others, G.W.F. Hegel (“Zeitgeist”) and K. Marx (the concept of the total and joint labor). A critical analysis of analytic social epistemology (A. Goldman, J. Lackey) helps clarify the tacit presuppositions of the “individual-collective” dualism. In reducing the CAC to the cognizing individual, Lackey fails to interpret adequately the phenomenon of distributed knowledge widely spread in modern science and social practice (F. Hayek, H. Collins). As an alternative to reductionism, the article proposes a typological approach to CAC. It aims to understand its structure as consisting of four main levels (transcendental, imbedded, contract and distributed agent of cognition), each of which being illustrated by a paradigm example. In conclusion, the duality of collective and individual agents of cognition is unmasked as based on the mixture of everyday and philosophical discourses.

Key words: collective agent of cognition, community, analytical social epistemology, collectivism vs individualism, reduction, transcendental agent, imbedded agent, social contract, distributed knowledge.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 14-03-00141 «Знание-свидетельство (testimonial knowledge) как проблема коллективной эпистемологии».

Подходы к дефиниции

Концептуальные рамки для рассмотрения КСП производны от рабочего понятия субъекта как такового. Под субъектом будет пониматься активное начало, обладающее сознанием и позиционирующее себя как отличное от окружающей среды (объекта и прочих условий). Соответственно в качестве КСП будет выступать, во-первых, отдельный сегмент общественного целого в виде социальной группы со специфическим статусом и интересами, который отнесен, во-вторых, к определенному типу знания (деятельности) и, в-третьих, к некоторому социальному институту со свойственными ему формами коммуникации. Обособление познавательной коммуникации, ее преимущественное отделение от иных форм культуры, начавшееся в античной философско-научной традиции, достигает своей зрелости в Новое время с возникновением эмпирического естествознания. Именно оно впервые провозглашает программу такого обособления, которая, впрочем, никогда до конца не реализуется. Вместе с тем общество претерпевает существенное изменение. Начинается его предметная локализация, т.е. исключение всего того, что не относится к опытному изучению природы. Это сопровождается процессом демократизации, т.е. постепенным стиранием словесных границ для всех, кто искренне заинтересован в предмете исследования. Происходит институционализация общения: невидимый колледж превращается во вполне видимый и осязаемый. Наконец, коммуникация закольцовывается, приобретает рефлексивный характер: ее предметом оказываются не только природные объекты и процессы, но и результаты их исследований — тексты и их интерпретации. Так коммуникация приобретает автономию, собственный предмет, не представленный нигде, кроме как в ней самой. Отныне познавательная коммуникация неизбежно включает в себя коммуникацию по поводу себя самой.

Проблематика КСП проходит через всю историю философии. Абстрактный гносеологический субъект, идею которого принято с некоторых времен подвергать критике, и есть этот коллективный субъект, взятый с точки зрения своих наиболее общих характеристик. У Платона он может равным образом заблуждаться («призраки пещеры») [Платон, 1994: 295–296] или владеть истиной (образ философа в «Государстве»). У И. Канта он фигурирует в виде схемы трансцендентального субъекта: она интересубъективно разделяется познающими эмпирическими индивидами, принимающими некоторые априорные предпосылки познания в силу их внутренней неизбежности [Кант, 1964: 21]. Коллективный субъект обретал новые концептуализации в форме гегелевского саморазвития духа или «всеобщего со-

гласия» О. Конта, в понятиях всеобщего и совместного труда К. Маркса. Последний указывал, что «следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов» [Маркс, 1955: 116].

Приведенное различие делает акцент на выделении диахронного и синхронного, исторического и социального, культурного и цивилизационного аспектов деятельности людей. Вместе с тем нет никакой деятельности и коммуникации людей, сколь бы «непосредственной» она ни была, которая бы не включала в себя элементы всеобщего труда в форме орудий, ресурсов, навыков и знаний, унаследованных от прошлых поколений. В этом смысле не всеобщий, а именно совместный труд выступает как более сильная абстракция, представляющая коллективное производство в качестве чисто механического соединения усилий наличных индивидов. И напротив, чем более конкретен и детален анализ всякой деятельности, тем более всеобщей, т.е. нагруженной историко-культурным содержанием, она оказывается, и тем более коллективным предстает субъект такой деятельности.

Виртуальная коллективность: редукция и агрегирование

В последние годы проблема КСП начинает обсуждаться и в англо-саксонской эпистемологической традиции. В качестве ключевых терминов для ее решения предлагаются «редукция» и «агрегирование» («суммирование»). Возможна ли редукция коллективного мнения к мнению некоторого отдельного субъекта? Поддается ли коллективное мнение объяснению путем суммирования мнений отдельных индивидов? В такой постановке вопроса изначально проглядывает неравный онтологический статус индивида (нечто реальное) и коллектива (нечто виртуальное), который в дальнейшем обосновывается эпистемологически.

Вот мысленный эксперимент, который проводят К. Лист и Ф. Петит. Совместным собственникам компании предстоит принять решение, нужно ли выделять сэкономленные в процессе производства средства на дополнительные меры безопасности на рабочем месте, например для защиты от поражения элек-

трическим током. Решение складывается из их ответов на три вопроса: во-первых, насколько серьезной является опасность; во-вторых, насколько затраты соразмерны с эффективностью предложенных мер безопасности; и, в-третьих, приемлемы ли эти затраты для каждого сотрудника в отдельности. Если член группы считает, что опасность является достаточно серьезной, мера безопасности вполне эффективной, а плата терпимой, то будет голосовать за выделение средств. Поэтому каждый должен будет рассмотреть эти три пункта и принять решение по каждому из них. Вот как может голосовать произвольная группа из трех сотрудников [List, Pettit, 2002: 94].

№	Serious danger?	Effective measure?	Bearable loss?	Pay sacrifice?
1	Yes	No	Yes	No
2	No	Yes	Yes	No
3	Yes	Yes	No	No

Удивительно, но, хотя по каждому пункту принимается положительное решение квалифицированным большинством голосов (2 из 3), голосование приводит к отрицательному решению при том, что среди голосующих нет таких, кто по всем пунктам голосует против. В чем же причина? Имеет ли она содержательный или формальный характер? Для этого нужно разобраться, каковы же интуитивно очевидные требования, предъявляемые к коллективному решению как результату агрегирования суждений (мнений).

Так, во-первых, группа в процессе такого агрегирования должна все же как-то выражать мнения своих членов по каждому пункту голосования. Во-вторых, итоговое суждение должно быть рациональным. Рациональность определяется авторами перечислением стандартных логических требований, предъявляемых к суждениям: полнота, последовательность, дедуктивная замкнутость, к которым добавляются систематичность и анонимность. При этом «систематичность означает, что коллективное суждение по любому пункту должно зависеть исключительно от индивидуальных суждений, различные коллективные суждения одинаковым образом определяются релевантными индивидуальными суждениями» [List, Pettit, 2002: 99–100]. Систематичность и анонимность понимаются вполне формально: различие в содержании вопросов не учитывается, важно лишь то, как проголосовали — за или против. Не учитывается также и кто именно голосует; важны лишь количественные результаты.

В итоге авторы утверждают, что с точки зрения такого понятия рациональности принятие решения в результате голосования приводит к «доктринальному», или «дискурсивному», парадоксу. Если рассмотреть первые три столбца таблицы как послышки высказывания, а последний — как его заключение, то какими бы ни были послышки, заключение всегда будет отрицательным. Посылки, выражающие мнение большинства, не находят никакого отражения в заключении, которое выражает, таким образом, волю меньшинства.

Лист и Петтит подводят итог: группа, стремясь учесть суждения индивидов, рискует утратить коллективную рациональность. И напротив, обеспечивая коллективную рациональность, группа вынуждена пренебрегать учетом индивидуальных суждений [List, Pettit, 2002: 96].

Первая из неявных предпосылок рассуждения состоит в убеждении, что предлагаемая абстрактная модель коллективного принятия решения что-то проясняет по поводу реальных процедур поиска консенсуса. Однако это вызывает сомнение. В частности, предположение о независимости всех трех посылок (голосований по отдельным пунктам) друг от друга легко опровергнуть с помощью следующего мысленного эксперимента. Переставим столбцы, поменяв первый и второй местами. Карета встала впереди лошади: голосование по поводу эффективности предлагаемых средств в таком случае становится проблематичным, поскольку суждение о характере средств зависит от признака степени опасности.

№	Effective measure?	Serious danger?	Bearable loss?	Pay sacrifice?
1	No	Yes	Yes	No
2	Yes	No	Yes	No
3	Yes	Yes	No	No

Вторая предпосылка состоит в убеждении, что коллективное мнение, полученное путем безличного голосования, должно отражать мнения отдельных индивидов, которые в свою очередь суммируют результаты голосования по нескольким пунктам повестки дня. Точнее, агрегированное, или суммированное, мнение коллектива представляет собой тогда логический вывод из мнений отдельных людей, каждое из которых опять-таки есть результат суммирования. Однако ясно, что индивидуальные мнения в принципе не поддаются учету путем голосования, для их согласования имеются другие процедуры.

Вот еще одна, неявная предпосылка авторов: это абстракция «экономического человека». Голосующим непременно нуж-

на «серьезная опасность», чтобы проголосовать за выделение средств, а просто опасности недостаточно. Они не хотят затрат, если последние превышают их ожидания и прогнозы, даже если опасность велика, а предложенные меры безопасности адекватны. Они ищут *необходимый*, а не достаточный повод для отказа от затрат. Авторы не интересуются его причинами, просто констатируя, что в коллективном рассуждении приходится применять не *modus ponens*, а *modus tollens*: отрицательное мнение имеет большую силу, чем положительное. В таком случае разрешение дискурсивного парадокса возможно только на пути частичного отказа от изначальных допущений и поиска паллиативных подходов.

В статье Дж. Лэки [Lackey, 2012] обсуждается вопрос о том, как свойство знания может атрибутироваться группе или каким образом можно говорить о знании как принадлежащем не индивиду, а сообществу. Лэки критикует точку зрения, согласно которой атрибутирование знания возможно благодаря идентификации надежного информанта, понятого как обладателя надежных убеждений (*reliable believer*). Доказывая этот тезис, она рассматривает парадигмальные примеры атрибуции знания группе, в которых не удается идентифицировать надежных информаторов как источников знания, пусть по причине их собственных убеждений или сведений, полученных от других.

Так, Д. Толлефсен приводит случай под названием «Распределенная информация» [Tollefsen, 2007]. Комиссия ООН по народонаселению, состоящая из 47 членов, выпускает отчет под названием «Карта развития народонаселения». Каждый член комиссии самостоятельно собирал информацию и готовил свой тематический сегмент доклада, а после этого одному техническому сотруднику, Саманте, не являющемуся членом комиссии, было поручено составить коллективный документ, проинтерпретировав и скомпилировав собранные фрагменты. Затем доклад был распространен среди членов комиссии, которые обратили внимание на фразу: «Скорость возрастания доли латиноамериканского населения в США увеличивается». Никто из членов комиссии не мог взять за нее ответственность, поскольку она прямо не следовала ни из одного фрагмента доклада. Таким образом, ни один из членов комиссии не являлся автором этой информации и даже ее трансляция была отделена от источников, а потому и она не может быть признана надежной. В этом случае не получается ни атрибутировать знание группе, ни указать надежного транслятора знания (*reliable testifier*).

Разбирая и интерпретируя этот кейс распределенной информации, Лэки приходит к выводу, что групповое знание нельзя трактовать как сумму индивидуальных знаний, а потому груп-

па вообще не является познавательным субъектом. Группа также не выступает передатчиком или источником знания для окружающих. Эту позицию Лэки обозначает как дефляционистскую. Знанием обладает лишь индивид, и он же (в случае Саманты) является надежным передатчиком знания, т.е. всякое коллективное знание редуцируется к индивиду. Тяжеловесным термином «дефляционный редукционизм» Лэки обозначает то новое, что она вносит в обсуждение проблемы группового знания. При этом ей удастся вплотную подойти к пониманию самостоятельной ценности группового знания: Саманта и есть заключительный (но не единственный) участник его конструирования, синтезирующий фрагменты текста и формулирующий связки и результаты. Лэки, однако, отказывается от этого вывода, чем обнаруживает явную связь с аналитической социальной эпистемологией. Ее сторонники лишь критикуют и фактически блокируют всякую возможность понять интересубъективную и коммуникативную природу социального знания.

Новые концептуализации коллективности

Фридрих Хайек, анализируя возможности экономики как науки, одним из первых обратил внимание на то обстоятельство, что социальное знание неравномерно распределено между индивидуальными субъектами, ни один из которых не обладает всей полнотой доступной информации. Из этого он вывел невозможность точного экономического предвидения и, как следствие, полностью рационального поведения. Понятие дисперсного знания обязано своим названием именно этой идее: «Знание обстоятельств, которые мы должны использовать, никогда не существует в концентрированной или интегрированной форме, но дано лишь в качестве распыленных (dispersed) частиц неполного и часто противоречивого знания, которыми обладают все отдельные индивиды» [Найек, 1945].

Дисперсное, или распределенное, знание демонстрирует высокую эффективность в самых быстроразвивающихся областях современной технауки. Вот пример из наук о жизни. Американские специалисты, изучающие ВИЧ, много лет бились над сборкой структуры ретровирусной протеазы (фермент расщепляет пептидную связь между аминокислотами в белках). С этим не справилась мощнейшая компьютерная программа Rosetta, созданная в Вашингтонском университете. В итоге задача была предложена сообществу геймеров, которые играют в Foldit, и они справились с ней за три недели. Большой коллектив неспециалистов продемонстрировал преимущества кооперации и гибкости интеллекта, а геймеры, предложившие решение, стали соавто-

рами исследования [Геймеры, 2009]. И если еще вчера такой результат оценивался как беспрецедентный, то сегодня примеры эффективного использования распределенного знания становятся все более привычными. Так факт коллективности научного труда, уже давно приобретший характер триюизма, в наши дни дополняется кооперацией профессионалов и дилетантов. Иное дело, что эти дилетанты обладают университетским образованием и доступом к всемирной паутине, что само по себе стало возможно лишь благодаря научным достижениям.

Современные примеры потрясают воображение лишь потому, что представляют собой результаты целенаправленного проектирования в реальном времени. Определенная новизна форм бытия распределенного знания обязана глобализации, которую Зигмунт Бауман описывает в таких терминах, как «общество нулевого трения», «жидкий мир», «война против пространства» и «смерть географии» [Бауман, 2004]. Он подчеркивает универсальность и простоту современной коммуникации, обязанной технике. Однако такое «мобильное знание» (*mobile knowledge*), не имеющее жесткой привязки к носителям или условиям, не может полностью вытеснить связанное с межличностным общением и специфическим контекстом «укорененное знание» (*embedded knowledge*), поскольку последнее не поддается электронной трансляции и «распределению» между произвольными субъектами [Haythornthwaite, 1999]. Примерно об этом же, т.е. о важности неявного (*tacit*) знания, пишет Х. Коллинз в своем анализе научной экспертизы, обсуждая понятия «*embodied contributory expertise*» и «*interactional expertise в науке*» [Collins, Evans, 2002].

К структуре коллективного субъекта познания

Опыт современных дискуссий вынуждают представить структуру КСП путем перечисления основных типов коллективности, в которых производится знание. Так, интегральный культурно-исторический уровень КСП образуется трансцендентальным субъектом — надличной совокупностью культурных образцов, транслируемых через эпохи и достигающих межкультурного значения. Основным способом приобщения индивида к этому уровню коллективности является совокупный опыт культуры, определяемый образованием, воспитанием и профессиональной деятельностью индивида исходя из конкретных исторических и биографических условий. Основанием для выделения глобальных типов трансцендентального субъекта может являться исторически доминирующий тип культуры (мифомагический, политический, религиозный, художественный, научный), а подчиненных типов — грамматики естественных языков. Такого

рода субъект обеспечивает относительную независимость индивида от пространственно-временных и национальных координат его бытия.

Вот пример сюжета, в котором проступает работа трансцендентального субъекта. Спектакль «Гейша» по пьесе американского писателя Давида Беласко играется в Лондоне в 1900 г., и представление производит впечатление на итальянца Джакомо Пуччини. Уже в 1904 г. в «Ла Скала» проходит премьера его оперы «Мадам Баттерфляй». В 1928 г. японский писатель Сабуро Дзюитяги независимо от этого узнает историю японской девушки Окити из портового города Симоды и в повести «Варвар и Окити» описывает противоположный образ отношений японской гейши и влиятельного иностранца [van Rij, 2001]. В дальнейшем ремейки на эту тему исчислялись десятками. Например, в 1958 г. Голливуд выпустил кинофильм «Варвар и гейша» с Джоном Уэйном в главной мужской роли. Пусть интерпретации реальной истории в американском, итальянском и японском вариантах отражают различия восприятия восточной культуры на Западе и развитие национального самосознания японцев, в любом случае трудно найти пример, в котором был бы рельефнее выражен межкультурный, этнический и гендерный конфликт, — так перепутаны между собой любовь и ненависть, верность и предательство, нежная романтика и грубая реальность.

Едва ли будет преувеличением сказать, что архетипическая история Окити — Чио-Чио-Сан, взятая в совокупности ее интерпретаций, несет в себе концентрированное и многоаспектное *знание*, охватывающее полтора века отношений Запада и Востока и задающее значимый образец их восприятия в будущем. Это знание не монолитно, оно даже расколото на альтернативные фрагменты, в нем нет кантовского трансцендентального единства апперцепции, но именно поэтому оно и представляет верховный закон культуры — совокупность многообразия.

В качестве второго типа КСП выступает «укорененный (воплощенный) субъект» с учетом коннотаций, содержащихся в уже упомянутых терминах *embedded knowledge*, *embodied expertise*. Данный уровень отвечает за включенность индивида в традиционную деятельность и коммуникацию, выраженную в неявном знании умений и навыков. Включение индивида в тело «укорененного субъекта» происходит в ходе освоения локальной культуры с ее образовательно-воспитательными, производственными и политическими практиками. Так, в пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион» описывается история профессора филологии, который на спор с коллегой соглашается давать уличной лондонской цветочнице бесплатные уроки языка и этикета, обещая за короткий срок вылепить из нее светскую даму. Цветочница успешно осваивает образцы правильной речи и несложный набор

вычурных манер, но остается той же самой непосредственной и независимой девушкой из предместья, личность которой не-расторжимо связана с биографией. И теперь уже профессор сталкивается с беспочвенностью собственного бытия и ищет опору в цветочнице, крепко стоящей на собственных ногах. Галатея лепит скульптора. Цветочница оказалась более цельной личностью, чем профессор. Ведь ее сформировало не столько стандартное образование, сколько жизненный опыт — дифференцированные массивы практического знания. Самые глубокие связи будут по-прежнему объединять бывшую цветочницу с ее прежней жизненной средой, подлинной, исторической социальностью.

Дохристианские религии дают примеры еще одного — политического — конструирования КСП с помощью договора человека и Бога (третий тип КСП). Такой договор представляет собой программу коллективной деятельности (включая создание картины мира, стандарты для политических, производственных, межличностных и иных практик) по достижению и поддержанию социального единства. В частности, устанавливаются связи между родами и племенами, санкционированные наличием общего сакрального предка, и через обращение к последнему разрешаются конфликтные ситуации. Поиск Бога библейским Авраамом как раз из того ряда примеров.

Мы помним эту историю: Аврааму снится сон, невнятный и ужасный. Авраам может только догадываться, что Богу нужны какие-то новые доказательства веры, решительные и однозначные. Бог вынуждает его пожертвовать чем-то очень дорогим, быть может, исполнить обряд по образу и подобию тех, которыми грешили древние хананеи. Не первородного ли сына суждено пожертвовать Богу, принести во всеожжение?

Опустим детали и порадуемся, что в том мире еще случались знаменья. Как Ифигения под ножом Калхаса обернулась ланью, так обернулся барашком Исаак. Человек оборачивается агнцем, возвращаясь к животному-тотему, древнему шумеро-египетскому прообразу Диониса, символу циклического мирового развития, законосообразного порядка природы. Идя на жертву, человек возвышается до божества, заключает с ним равноправный договор-завет в качестве априорного условия всех возможных последующих договоров. Как подтвердить свою готовность к кооперации, как не ссылкой на древнее архетипическое жертвоприношение, символ предсказуемости, божественного порядка, обладающий аффективной убедительностью, погружающий мир в нуминозное измерение? Вот этот путь: жертва — символический ритуал — устный или письменный текст — социальное согласие.

Человек, заключивший общественный договор такого рода, немедленно приобщается к коллективному процессу познания. Общая реальность наполняется закономерностью, неизбежностью причинно-следственных связей. И эта закономерность не чужда человеку, она роднит его с миром и другими людьми, познаваема и может быть использована в его целях. Все вещи мира — это знаки взаимопонимания; нужно лишь усердие в реализации совместного познавательного интереса. Так социальный контракт выступил условием систематического когнитивного обмена и в далекой перспективе послужил рождению современной науки.

Иллюстрацией четвертого типа КСП может служить рассказ Х.Л. Борхеса «Тлён, Укбар, Орбис Терциус» [Борхес, 1989]. В нем поколения интеллектуалов вводят в научный и культурный оборот существование искусственно сконструированного мира. Перемешивая выдуманные и реальные события, исторических и литературных персонажей, Борхес представляет Дж. Беркли как автора этого мира, в котором властвует его философия солипсизма. Чтобы доказать, что воображение правит миром, Беркли организует тайное общество, задачу которого составляет введение в культуру мистификаций по поводу Тлёна. Все новые и новые артефакты и свидетельства подтверждают существование этой загадочной страны, находящейся то ли на Ближнем Востоке, то ли на другой неведомой планете. Ученые, литераторы, библиографы, философы с XVII в. и до наших дней трудятся над этим проектом, и Тлён из воображаемого мира превращается в нечто вполне реальное. Более того, рассказ Борхеса спустя годы покидает пределы творчества великого аргентинца и инспирирует другие литературные мистификации, музыкальные произведения и компьютерные игры, реализуя тем самым фантастический замысел автора.

При всей многоплановости «Тлёна» наиболее привлекательна его интерпретация как постмодернистской пародии на тему «invisible college» — неформального сообщества ученых, занятых социальным конструированием реальности. Р. Бойль, в переписке которого впервые встречается этот термин, воодушевлялся лозунгом «Знание — сила» Ф. Бэкона. Всякая влиятельная фундаментальная теория (атомизм, механицизм, эволюционизм, марксизм, психоанализ, либерализм) порождает свою картину мира, которая не только захватывает умы, но и начинает программировать многообразные практики. Это становится возможным благодаря действиям «распределенного субъекта» — ассоциации автономных творцов, воодушевленных идеей глобального проекта. И в современной технаучке подобная проектно-междисциплинарная матрица распределенного

КСП оказывается наиболее типичным способом познавательной коммуникации.

Итак, перед нами четыре типа КСП. Универсальная культура объединяет причастных к ней людей вокруг мифа, обязанного авторскому произведению, его рефлексивному пониманию и сотворчеству. В локальной культуре ее жители существуют вместе от века, по праву рождения и зову крови, в рамках племенного мифа, изгнание для них подобно смерти. Политическое единство реализуется государством и правом: накладываемые ими ограничения сознательно принимаются независимыми гражданами как наименьшее зло и мифологизируются в форме социального порядка. Коллективное исследование собирает людей вокруг идеи, теории, проекта; их совместная работа — «тихое приключение мысли» [Уайхед, 1990: 684]; оно претендует на роль «архетипа, постепенно входящего в мир» (Х.Л. Борхес).

Итоги

Наивный дуализм индивида и коллектива неявно опирается на физико-количественные критерии выделения субъекта: индивид — один физический объект, а в коллективе их несколько. Неравенство онтологического статуса коллективности и индивидуальности заложено в этом изначально. И напротив, для социальной эпистемологии все люди в равной мере и индивиды, и коллективные субъекты. Коллективность накладывается сверху и печатает действия индивида, только если он представлен как *tabula rasa*, несоциализированный субъект. Нормальный человеческий индивид изначально и внутренне коллективен. Индивидуальные отличия, ставшие предметом философской рефлексии, научного исследования или художественного изображения, также немедленно превращаются в продукты типологизации, классификации и категоризации — коллективные артефакты. Неколлективность фиктивна, виртуальна и сводима к индивиду. Скорее, именно о последнем философия пытается хранить гробовое молчание как о трагическом событии, обреченном на смерть и забвение.

Библиографический список

Бауман, 2004 — Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004.

Борхес, 1989 — Борхес Х.Л. Проза разных лет. М., 1989.

Геймеры, 2009 — Геймеры. — http://zoom.cnews.ru/rnd/news/line/gejmetvo_rj_pomopat_sozdat_lekarstvo_ot_spida [Gamers (2009)]

Лекторский, 2001 — *Лекторский В.А.* Субъект // Новая философская энциклопедия. М., 2001.

Маркс, 1955 — *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 25. Ч. 1. М., 1995.

Платон, 1995 — *Государство* // Собр. соч. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994.

Уайтхед, 1990 — *Уайтхед В.Н.* Избранные философские труды. М.: Прогресс, 1990.

Collins, Evans, 2002 — *Collins H.M., Evans R.J.* The Third Wave of Science Studies: of Experience // *Social Studies of Sciences*. 2002. Vol. 32, No. 2. P. 235–296.

Hayek, 1945 — *Hayek F.A.* The Use of Knowledge in Society // *The American Economist Review*. 1945. № 4. P. 519–530.

Haythornthwaite, 1999 — *Haythornthwaite C.* Collaborative Work Networks among Distributed Learners // *Proceedings of the 32nd Hawaii International Conference on System sciences*. Los Alamitos, CA: IEEE Computer Society Press, 1999.

Lackey, 2012 — *Lackey J.* Group Knowledge Attributions // J. Brown and M. Gerken (eds.) *New Essays on Knowledge Ascription*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 243–269.

List, Petit, 2002 — *List Ch., Pettit Ph.* Aggregating Sets of Judgments: An impossibility Result // *Economics and Philosophy*. 2002. Vol. 18. P. 89–110. Cambridge University Press, 2002.

Tollefsen, 2007 — *Tollefsen D.* Group Testimony // *Social Epistemology*. 2007. Vol. 21. P. 299–311.

Van Rij, 2001 — Jan van Rij. *Madame Butterfly: Japonisme, Puccini, & the Search for the Real Cho-Cho-San*. Berkeley, CA.: Stone Bridge Press, 2001.

References

Bauman Z., 2004 — *Globalization, consequences for man and society*. Moscow: Ves mir Publ.

Borges J.L., 1989 — *Prose of different years*. Moscow: Progress Publ.

Gamers, 2009 — http://zoom.cnews.ru/rnd/news/line/gejmetry_pomopat_sozdat_lekarstvo_ot_spida [Gamers (2009)]

Kant I., 1964 — *The Critique of Pure Reason*. Works. V. 3. Moscow: Misl Publ.

Lektorsky, V., 2001 — Agent. In: *New Encyclopedia of Philosophy*. Moscow: Misl Publ.

Marx, K., Engels F., 1955 — *Works*. Vol. 25. P. I. Moscow: Goslit. Publ.

Plato, 1994 — *The State*. Collected Works in 4 Vol. V. 3. Moscow: Misl Publ.

Whitehead A.N., 1990 — *Selected philosophical works*. Moscow: Progress Publ.

Collins, H.M., and Evans, R.J., 2002 — The third wave of science studies: Studies of Expertise and Experience // *Social Studies of Sciences*. Vol. 32. No. 2. P. 235–296.

Hayek F.A., 1945 — The use of knowledge in society. In: *The American Economist Review*. Vol. XXXV, No. 4. P. 519–530.

Haythornthwaite C., 1999 — Collaborative work networks among distributed learners // *Proceedings of the 32nd Hawaii International Conference on System Sciences*. Los Alamitos, CA: IEEE Computer Society Press.

Lackey J., 2012 — Group Knowledge Attributions. In: Jessica Brown and Mikkel Gerken (eds.), *New Essays on Knowledge Ascriptions*. Oxford: Oxford University Press. P. 243–269.

List C., Pettit Ph., 2002 — Aggregating sets of judgments: An impossibility result // *Economics and Philosophy*. Vol. 18. P. 89–110. Cambridge University Press.

Tollefsen D., 2007 — Group Testimony // *Social Epistemology*. Vol. 21. P. 299–311.

Jan van Rij, 2001 — *Madame Butterfly: Japonisme, Puccini, & the Search for the Real Cho-Cho-San*. Berkeley, CA.: Stone Bridge Press.